

НАТАЛИЯ РОМАНОВА

О чем молчит

СЧЕТ

Наталия Романова
О чём молчит снег

«Наталия Романова»

2024

Романова Н.

О чём молчит снег / Н. Романова — «Наталья Романова», 2024

– Шикарно выглядишь, Анют, – услышала она знакомый голос в коридоре. Обернулась. Прислонившись спиной к косяку двери, стоял Георгий Давидович в элегантном классическом костюме. Галстук снят, пиджак расстёгнут, как и две верхние пуговицы рубашки. Он оглядывал Аню с головы до ног, кажется, не упуская ни единой детали. Господи, как же приятно, когда мужчина на тебя смотрит с восхищением! Она забыла это чувство, или не знала его вовсе... – Моя ты хорошая, – буквально пропел Георгий Давидович. – Всегда бы так. Этот выбор стар, как мир – журавль в небе или синица в руках. Призрачный шанс на счастье с роскошным мужчиной или нерадостный, но привычный брак с опостылевшим мужем. Что – и кого, – выберет Аня? В книге присутствует нецензурная брань!

© Романова Н., 2024

© Наталья Романова, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталья Романова

О чём молчит снег

Глава 1

За несколько месяцев до основных событий

«Ну и где в этом прекрасном заведении курят?» – думал Георгий, идя по длинному коридору, слегка покачиваясь.

В самом помещении ресторана, ясно, запрещено. Закон есть закон, на улице тоже настоятельно не рекомендовали, а где прикажете? Должен быть чёрный ход, туда ноги и несли.

Из банкетного зала гремела громкая, позитивная музыка, разносился чрезмерно бодрый голос ведущего. Шёл примерно сто пятый по счёту конкурс, которые время от времени перемешивались с танцевальными блоками, становившимися всё развязней и разухабистей. Корпоратив в честь наступающего нового года плавно подходил к завершению.

Георгий свернул в какой-то закоулок, уставился на приоткрытую дверь, в которую медленно залетал снег, светящийся в свете уличного фонаря. Так вот какой ты, свет в конце туннеля.

– Ой, девочки, – услышал откуда-то сбоку незнакомый женский голос. Не удивительно, что незнакомый, в клинике больше полутора тысяч человек работает, большинство из них – женщины. – Георгий Давидович – такой лапочка.

Конечно, лапочка, мысленно согласился Георгий, милый, как сотня карликовых кроликов, разрешаю почесать себя за ушком.

– Видела бы ты его на рабочем месте, пыл бы поубавила, – ответил другой женский голос, более взрослый.

Этот голос Георгий узнал. Старшая операционная сестра, Галина Эдуардовна – его надежда, опора, мать-настоятельница и живительных пинков выдавательница в одном лице, где-то глубоко в душе обожаемом.

– Нам же с ним не работать, – заготовили сразу несколько девиц, пьяно фыркая.

– Замутить бы с таким... – кто-то мечтательно протянул. – Роман красивый, как в кино!

– А я бы и без романа дала, – хрипло ответили ей. – Вот прямо здесь и дала бы... мужика охота, сил нет.

– Никакой в тебе романтики.

– Для романтики у меня муж есть, мне бы потрахать.

– Ой, дуры-девки! – чертыхнулась Галина Эдуардовна. – Женат ваш Георгий Давидович, женат, так что оставьте свои влажные мечты для кого-нибудь другого. За пятым столиком, говорят, системные администраторы сидят.

По узкому коридору разнёсся дружный женский переливающийся хохот, Георгий усмехнулся в унисон девицам. Может где-то IT-специалистам почёт и уважение, но конкуренцию пластическим хирургам, особенно в лице Сабурова Георгия Давидовича, они составить не в состоянии.

– Жена не стенка, подвинется, – пропел кто-то. – И вообще, говорят, она гражданская.

– Подвинешь такую, – ответил голос, который до этого молчал. – Она ко мне на процедуры несколько раз приходила. Королева, не меньше. Всё, как надо там, не подкопаешься, особенно сабли вместо зубов.

– Плевать! – засмеялась та, что хотела трахать. – Мне бы...

– Слышали мы, слышали, – дружно, со смехом ответили ей.

Вот как тут половозрелому мужчине, которого природа не обделила темпераментом, не почувствовать себя сказочным царём Салтаном, не ворваться к девицам, не потребовать родить себя богатыря? Впрочем, с богатырём Георгий погорячился, нужно меньше пить, чтобы глупости в голову не лезли.

Покачнувшись, он продолжил путь к двери, шаря по карманам в поисках айкоса и стиков. Давно пора кончать с этой привычкой, и с «женой гражданской» тоже надо кончать, задрало и то, и это.

Вышел на улицу, вздрогнул от морозца, краем сознания подумал, что нужно было накинуть пиджак, зря, что ли, вырядился как напыщенный индюк. Рубашка, запонки, костюм итальянского бренда за приличную сумму, неизвестно для чего купленный. «Жена» настояла... точно, вспомнил.

Кстати, по поводу «жены»... Григорий достал телефон, пробежался по сообщениям абонента с именем Кристина, пестреющим восклицательными знаками, негативными смайликами и матом. И тебя с наступающим, «любимая».

Непереводимая игра слов с требованием оплатить виллу на Бали ещё на месяц, на которую Георгий ответил коротким: «С хера ли»

Не успел Георгий подумать, как бы поизвилистей отправить Кристину в эротическое путешествие, как завибрировал телефон. Чуйка у неё, что ли? Естественно, у неё чуйка, иначе бы он не застрял на столько лет в этой липкой, как клейкая лента от мух, связи.

Отошёл подальше от крыльца, чтобы снять трубку, хотя правильной было бы не отвечать, поставить в чёрный список, но всё равно ведь дозвонится. Решил отдаться, не дожидаясь насилия в мозг.

– Ты понимаешь, как подставил меня? – вопила Кристина в трубку, перемежая литературные слова отборными выражениями, которым бригада пьяных грузчиков позавидовала бы. – Обещал оплатить – плати! Что мне теперь, по-твоему, делать? На пляже ночевать?

– У мамы в Таганроге можешь переночевать, – ответил Георгий, затягиваясь.

– Знаешь что?!

– А ты знаешь что? – отзеркалил интонацию Георгий. – Ты там не обурела в край, красавица? Берега не попутала? Чтобы мужик за тебя платил, ты должна быть или законной женой, или старательно отсасывать. Что из этого получаю я, фоточки с пляжа? Мне на них даже дрочить не хочется, не то что деньги за них платить.

– Женишься, тогда и буду отсасывать, – тут же услышал рычащий ответ.

– Сейчас, блять! Тебе голову напекло, или скат бешеный покусал?

– Иди ты!

– Взаимно!

Вот и поговорили. Отлично, просто отлично. С новым годом, старым счастьем, которое задрало до зубовного скрежета. Избавиться бы от него, от «счастья» опостылевшего до блевоты за восемь лет, только ты это «счастье» в дверь, оно в окно, ты его в канализационный люк, оно из унитаза. Здравствуй!

Перевести что ли деньги? Праздник встретить нормально. Тихо, мирно нажраться и уснуть в одинокой квартире под ёлочкой, в обнимку с бутылкой коньяка и селёдкой под шубой.

Георгий открыл банковское приложение, посмотрел на круглую сумму. Не обеднеет он, ни капельки не обеднеет, а спокойствие купит... И минет себе при надобности купит, или прямо сейчас вернётся, свернёт в закуток, откуда голоса доносились, выхватит ту, которой секс подавай здесь и сейчас, замутит на пару часов увеселительное мероприятие с обменом биологическими жидкостями.

А лучше девочку снимет на ночь, что заприметил в зале, в сторонке. Не девочку, конечно, если на корпоративе находится, значит, работает у них, минимум восемнадцать лет исполни-

лось. На какую должность могут взять в восемнадцать?.. Курьером каким-нибудь, на ресепшене кофе подносить, глазками хлопать.

Он толком девочку не разглядел, далеко стояла, чуть пританцовывая. Невысокая, худенькая, но все полагающиеся природой округлости прилагались, ладненькая такая, загляденье в платьице по колено. Простеньком совсем платьице, без страз и украшений, что за три версты видны. Точно курьерша.

Нужно было подойти, взять в оборот крошку. Сабурову Георгию Давидовичу ещё никто не отказывал. Правда, он на рабочем месте свои половые проблемы не решал, всегда находилось кому присунуть, но ведь всегда бывает первый раз. С курьерши и начнёт.

Дверь распахнулась, на порог выскочила группа девушек, с ними Галина Эдуардовна и та самая девочка ладненькая, в простеньком платье. Георгия обдало грохочущим ремиксом, точно в тему:

«За окном девочка в бежевом платьице, давай сбежим, на тебя буду тратиться».

Ты моя крошка, конечно, буду тратиться. Лучше на тебя, чем на «жену», королеву, собственноручно переделанную. Легче сказать, что он в Кристине не изменил, в голову приходило только то, что вне его специализации, лабиопластика, например.

У тебя ведь не вставлены филлеры в самом интересном месте, девочка? Ты же крошка совсем для таких манипуляций...

Как назло, стеной повалил крупный снег, Георгий поёжился от порыва сырого ветра, спрятал телефон в карман брюк, пошёл к крыльцу, где топтались девушки, некоторые из которых поспешили в помещение от нахлынувшей непогоды. Была ли среди них его цель – не разглядеть.

Ноги в лёгких туфлях, не предназначенных для гололедицы, разъезжались, что, учитывая выпитое, не удивительно. Удивительно то, что он несколькими минутами раньше благополучно сошёл с крыльца и сумел отойти на приличное расстояние, как по чистому асфальту, не наворачнувшись.

На середине пути всё-таки поскользнулся, неуклюже и пьяно взмахнул руками, попытался удержать равновесие, в итоге полетел навзничь, кое-как сгруппировавшись, чтобы не разбиться насмерть.

Первое воспоминание после резкой боли и потемнения в глазах – летящий в лицо снег и чей-то голос. Женский, хорошо поставленный, который чётко перечислял кому-то его реальные и потенциальные травмы.

Из монолога следовало, что жить он будет, дураком не останется и ссаться под себя не начнёт – это хорошо. А вот что галлюцинации у него – это плохо.

Георгий попытался встать, перевернуться, отмахнуться от навязчивого видения, которому уже и объяснение нашёл. Последняя, с кем говорил, будучи при памяти, Кристина, вот и чудятся её подружки, одна так точно склонилась над ним, убеждая горячо:

– Егор, не шевелись, потерпи, сейчас скорая приедет. Мне шея твоя не нравится.

Ну, спасибо за комплимент, а мне твоя нравится, особенно сладкая яремная ямка, тонкие ключицы и линия декольте, из которой выглядывает бледно-розовое кружево. Прелесть какая, бледно-розовое, впрочем, в галлюцинации каким оно должно быть? Чёрным, кожаным с шипами? Нет-нет... нажрался он уже подобного. Ему бы грудь эту, в розовом, помять, потискать, заласкать до мурашек.

Из бледно-розовых с мурашками грёз вырвал звук сирены скорой помощи и резкий свет проблесковых маячков. Холодные носилки и слепящий свет в салоне тоже не позволяли провалиться в пучину сладострастия. Боль ещё в голове и почему-то в районе лопаток, не иначе крылья прорезаются... только вряд ли ангельские.

Открыл глаза сразу в люминесцентный свет больничной палаты. Огляделся, палата отдельная, просторная, с видом на какой-то сквер. Значит, первое – он жив, второе – родные

в курсе, где он и что с ним, что не удивительно, учитывая, что навернулся во время корпоратива.

– О, очнулся!

На пороге появился Рус, родной старший брат. Держал в руках стаканчик кофе, оглядывал болящего и ехидно улыбался.

– Что со мной? – просипел Георгий, протягивая руку к стаканчику.

– Помимо похмелья? Лёгкий сотряс и ободрал лопатки, как умудрился только. Ручонки-то опусти, нельзя тебе кофе, бабушка кисель передала, его будешь пить.

– Число какое сегодня?

– А вчера какое было? – ответил вопросом на вопрос Рус.

– Двадцать пятое. Декабря.

– А сегодня двадцать шестое. Сколько пальцев? – Рус протянул к лицу Георгия ладонь с растопыренными пальцами.

– Четыре.

– Отлично. Вставай, давай, нечего койко-место попусту занимать, дома отлежишься. Я вещи твои привёз, – Рус кивнул в сторону сумки на пластиковом стуле у тумбочки. – И вот ещё, на, – протянул телефон Георгия, сунул ему в руку.

Тот покрутил выключенный аппарат с трещинами через весь экран. Спасибо за подарок, Дедушка Мороз.

– Аня принесла. Стояла у охраны, мялась, уговаривала пропустить, телефон отдать.

– Какая Аня? – Георгий честно попытался напрячь мозги.

Видимо, сотрясение было не лёгеньким. Не помнил он никаких Ань, парочка медсестричек в отделении всплывало в памяти, всё на этом. А, ещё одноклассница, урологом впоследствии стала, но он головой приложился, а не причинным местом.

– Подружка твоей Кристинки, они всё парочкой ходили, потом Аня исчезла куда-то. А тут стоит, телефон твой держит. Меня увидела, попросила передать, извинилась, что сел, зарядки не нашла, переживает, вдруг, тебе телефон срочно нужен.

– Втроём, – перебил Георгий брата, поняв о какой Ане говорят.

– Это она, кстати, скорую вызвала и первую помощь тебе оказала. Не помнишь, что ли? – Рус ожидаемо проигнорировал уточнение «втроём».

– А что она там делала?

– Слушай, давай-ка, я врача позову, что ли. Что-то ты туго соображаешь, или принципиально не думаешь, кого на работу берёшь? Мадам попросила, ты и рад стараться?

– Перестань, – отмахнулся Георгий. – Отдел кадров, эйчары у тебя на что? Их работа квалификацию проверять, я только позвонил и попросил, никого на мушке не держал. Взяли, значит, подошла.

В памяти возник диалог с Кристиной, когда та попросила по старой дружбе устроить подругу юности к ним в клинику, дескать, у той плохое финансовое положение, что-то с мужем, то ли умер, то ли ушёл, ребёнок маленький. Он Аню эту почти не помнил, нет, если бы лоб в лоб встретились, узнал бы, наверное, но не думал и не вспоминал никогда. Была бы она, как та крошка в простеньком платице... а лучше в белье бледно-розовом, точно запечатлелась бы в памяти.

– Не зря же взяли, – иронично добавил Георгий. – Брата твоего спасла, между прочим. Премию ей выпиши, в знак благодарности, а?

– Фамилию-то помнишь этой Ани?

– Краснополова, вроде бы... – наморщил лоб Георгий.

– Вроде бы... – фыркнул Рус. – Ладно, одевайся. Сам сможешь?

– Смогу, – отмахнулся Георгий.

По-хорошему, пару дней отлежаться – и он сможет не только одеться, но и раздеться, и раздеть, главное – добраться до той груди в бледно-розовом.

«За окном девочка в бежевом платье, давай сбежим, на тебя буду тратиться».

Глава 2

– Увидимся через две недели, – с доброжелательной улыбкой проговорил Георгий Давидович пациентке после фейслифтинга, пятидесятипятилетней Маргарите Сергеевне, представляющейся Ритой.

– У вас золотые руки, доктор! – восторженно прокомментировала отражение в зеркале Рита.

– Это моя работа, – сдержанно ответил Георгий Давидович. – К тому же работать с вами сплошное удовольствие, генетика, образ жизни гарантируют хороший результат, – добавил он с обворожительной улыбкой, слегка польстив пациентке, заодно сдержанно, в пределах формального общения «врач-пациент», ответив на очевидный флирт.

Ещё раз осмотрел результат своего труда, проговорил рекомендации, убедился, что Рита запомнила и будет соблюдать, распрощался и вышел из комфортабельной одноместной палаты стационара.

Через сорок минут следующая операция, не удалось пообедать, завтрак тоже пропустил. Работает на тёплом месте, называется.

Подошёл к автомату с кофе, выбрал капучино, здесь только этот напиток не напоминал мышиную мочу – будто он знал, какова на вкус эта жидкость, – забрал стаканчик, двинулся в сторону своего кабинета. Где-то в недрах стола ждала своего часа плитка швейцарского шоколада с перцем – чем не обед, собственно?

Не успел откинуться с комфортом в кресле, зазвонил телефон. Сабуров Эльбрус Давидович – генеральный директор, владелец, по совместительству старший брат.

– Здоров, – ответил Георгий, откусывая шоколад.

Не фонтан, конечно, не фонтан. Пищу заказать, что ли, после блефаропластики поест, а там и...

– Ты в курсе, что у нас не работает Краснополова Анна? – со слышимой усмешкой вместо приветствия сказал Рус. – Хотел поблагодарить за спасения горячо любимого брата, а нет такой, бухгалтерия с отделом кадров озадачены.

– Уволилась? – Георгий равнодушно посмотрел на стену, отхлебнул кофе, сморщился.

Вода из кулера определённо выигрывала у мутного пойла из автомата.

Одёрнул себя, вообще-то стоит проявить большую заинтересованность и участие, всё-таки человек если не жизнь, то здоровье точно спас. В случае если уволилась, найти, где живёт, отблагодарить лично. После того злополучного дня пролетело больше месяца, отгремели новогодние праздники, прошло тяжёлое похмелье после долгих выходных, начались и успели войти в колею трудовые будни. У Георгия же ни руки не доходят поблагодарить, ни ноги, ни башка, занятая чем угодно, но не Краснополовой Аней.

– Краснополова – девичья фамилия, сейчас она Лапина. Лапина Анна Викторовна, – перебил поток мыслей Рус.

– Понятно, – кивнул Георгий в пустоту.

– Премия ей выписали, если тебе интересно, – добавил Рус.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Георгий, ещё разок мысленно отвесив себе смачный подзатыльник.

Старший брат, который и на корпоративе-то не был, не ходок он по подобным мероприятиям, вообще не любитель светить лицом, помнил о почти отбитой башке Георгия, а сам виновник торжества – нет.

– Где, говоришь, она работает? Кем? – поспешил спросить, пока Рус не повесил трубку.

– Терапевт в Адмиралтейском, иногда замещает у тебя, в Центральном.

Распрощался с братом, закинул обратно в стол шоколад, отставил в сторону то, что назвали капучино, взял ежедневник, записал размашистым почерком: съездить к Краснополовой. Перечеркнул, исправил на Лапину.

В восемь вечера сел за руль, после того, как откопал собственную машину из-под слоя сырого снега, идущего целый день, обещающего к утру завалить город так, что ни пройти, ни проехать. Убирать сугробы, по устоявшейся в последние годы традиции, никто не собирался.

Развернулся на перекрёстке с нарушением правил. Подрезал зазевавшуюся газельку, в знак извинения моргнул стоп-сигналами. Дескать, извини, не такой я и мудака, пусть и на S-классе разъезжаю.

В Адмиралтейский филиал добрался за полчаса до закрытия, решил всё-таки отдать долг, поблагодарить по-человечески. Деньги деньгами, но помощь Аня оказывала не кошельку, а человеку. Он отчётливо помнил обеспокоенное: «Егор, не шевелись, потерпи».

Егор – по имени, по которому его в нынешней жизни никто не звал. Имя для своих, родных, близких, где он простой пацан, без негласного звания «будущее эстетической пластической хирургии» и записи на приём минимум за полгода.

По пути успел купить набор восточных сладостей в знак благодарности – банально, но на большее воображения не хватило, а на цветы времени.

– Добрый вечерок, – облокотился он на стойку регистрации, смотря с обворожительной улыбкой на администраторшу – девицу лет двадцати пяти, бесспорную красавицу, жаль штампованную, как рублёвая монета. – Лапина Анна Викторовна принимает?

– Ах, – зарделась администраторша.

Георгий глянул на бейдж – Маргарита. День восторженных Рит какой-то, а не обычный февральский будний.

– Приём окончен, но я сейчас спрошу, – залепетала Маргарита, отчаянно хлопая ресницами, выдавливая максимально кокетливое выражение лица, на которое только способна при переизбытке филлеров и ботулотоксинов.

– Спросите, спросите. Скажите, сил нет, желаю восполнить дефициты. Аскорбинкой, витаминчиками группы В, холекальциферолом, глутатионом закинуться. Как думаете, девчат, поможет? – повёл он бровями, переводя взгляд от Маргариты к застывшей столбом девушке-стажеру.

Да, да, глутатион¹ – именно то, что необходимо здоровому мужику, в расцвете сил, физической формы и умственного потенциала.

– Непременно, Георгий Давидович, – с жаром выпалила Маргарита, нервно кивнув.

Георгий Давидович тем временем обернулся на лёгкий шум в конце коридора. Мимо бежевых кресел спешно шла девочка в белом халатике, спрятав руки в карманах. Силуэт один в один курьерша с корпоратива, точно такая же ладненькая, просто чудо как хороша. Подойти бы, обнять за плечи, опуститься ладонью вдоль позвоночника, остановиться на минуту на пояснице, потом нагло, по-хозяйски, устроиться на круглой попке.

Похоже, господин Сабуров, у тебя появился личный фетиш – хрупкая женская фигурка, как с картин Эдгара Дега, только вместо балетной пачки – силуэт простенького платица, халатика.

– Вон Анна Викторовна, – спохватилась Маргарита, выплыла из-за стойки и поспешила к... Краснополовой Ане, вернее, Лапиной.

Неожиданно, неожиданно. Георгий покопался в памяти, пытаясь лучше вспомнить Аню. Всплывал образ девушки худой, не очень-то высокой, довольно приятной, но какой-то обык-

---

¹ Глутатион – самый распространённый и важный внутриклеточный антиоксидант, основные показания для капельницы с глутатионом: пигментация кожи, признаки старения, реабилитация после курса лечения антибиотиками.

новенной, что ли, не бросающейся в глаза. Хотя, он видел её не так часто, всегда рядом с Кристиной, а кого он вообще замечал в те годы, кроме той, о которой сейчас думать без содрогания невозможно.

– Вас примут, – кивнула спешно подошедшая Маргарина, показывая в сторону уже пустующего коридора. – Пятый кабинет.

– Спасибо, дорогая Маргарита, – подмигнул Георгий донельзя довольной администраторше. – Я ваш должник.

– Кто это? – услышал за спиной, когда отошёл на приличное расстояние.

– Ты что?! – искренне возмутилась незнанием столь высоко лица Маргарита. – Это Георгий Давидович, наш ведущий пластический хирург и вообще... мечта!

Как говорится, мечтать не вредно, Маргарита, вредно не мечтать, – про себя заметил Георгий. Он штампованные монеты номиналом в рубль и на сдачу не берёт.

– Здравствуй, Аня, – с фирменной улыбкой, проговорил Георгий, заходя в кабинет с табличкой «Лапина Анна Викторовна».

– Здравствуйте, Егор... Георгий Давидович, – нервно одёргивая халат на груди, ответила Аня. – Присаживайтесь, то есть садитесь.

Георгий скользнул взглядом по тому, что видел. Боже мой, да эта Аня Краснополова, вернее, Лапина – сплошное очарование. Фигурку он оценил ещё в коридоре и на корпоративе, теперь он не сомневался, что Аня и та курьерша – одна и та же девочка.

Не девочка, конечно, сейчас Георгий отлично видел возрастные изменения. Овал лица, мимические морщинки, едва заметная межбровка, – всё, что предательски выдавало возраст около тридцати лет, чуть младше. Издержки его профессии, ничего не поделаешь, он видел то, что женщины за каким-то хреном скрывали, а ведь это просто возраст, просто часть жизни, а не какое-то уродство.

Перед ним сидело совершенно очаровательное создание. Он толком сформулировать не мог, в чём прелесть, когда руки чесались прижать к себе это чудо. Запустить пальцы в пушистые волосы, наверняка мягкие, шелковистые. Провести пальцем по нежной щеке. Опустить губы к губам, вдохнуть один воздух на двоих...

Как же я умудрился упустить тебя, крошка? Где были мои глаза? Вот это внезапный поворот.

– Что вас беспокоит? – Аня поёрзала на стуле, настороженно глядя на нежданного гостя. – Маргарита сказала дефициты...

– Дефициты, да, – растёкся Георгий в сладкой улыбке. – Дефицит любви у меня, Аня.

– Что? – округлила она глаза.

Вроде обыкновенный цвет радужки, серо-голубой, часто встречающийся, но в свете люминесцентных ламп она покрылась зеленью. По статистике – самый редкий цвет, всего-то восемь процентов населения земли – обладатели зелёных глаз.

– Любви хочется, Анечка, – Георгий автоматически включил избитую песню.

Он непростительно упустил из вида эдакое совершенство, которое прямо сейчас хмурилось, моргало, глядя на него растерянно, пришло время исправить ситуацию. Спасибо гололеде, алкоголю, скользкой обуви и новогоднему корпоративу. Чудеса под новый год всё-таки случаются.

Кажется, тогда Георгий захотел девочку в простеньком платьице, будет считать, что загадал. Дед Мороз с небольшим опозданием принёс, правда, не в платьице, а в халатике, и не девочку, а женщину. В разы лучший комплект, куда более соблазнительный, сладкий.

– За любовью идите к Кристине, Егор, – отчеканила в ответ Аня.

– Сразу к Кристине? – искренне сморщил лоб Георгий.

Произнесённое «Егор» как-то совершенно некстати напомнило о Кристине, и что Аня – её близкая подруга, наверняка знает то, что потенциальной жертве обаяния Георгия Сабурова

знать не нужно. Вот какого чёрта, спрашивается, в такой ситуации, с такой-то сладкой крошкой, влезла Кристина, вернее, напоминание о ней? Провалилась бы она в преисподнюю, испарилась из жизни и памяти на веки вечные.

– У меня ребёнок есть, и муж, – продолжила Аня. – Ваше поведение неуместно.

Про мужа было сказано после незначительной паузы, как-то неуверенно, с толикой лёгкого раздражения или разочарования, чего-то, что помимо воли царапнуло Георгия.

– Олег, – напомнила Аня.

Действительно, вспомнил Георгий, крутился рядом с Аней парнишка по имени Олег. Невысокий, русоволосый, бесформенный какой-то. Не толстый, просто неспортивный, будто начиная с детского сада игнорировал уроки физкультуры, не говоря уже о спортивных секциях или фитнес-клубе, когда вырос. Сообразительный малый, добродушный, сказал бы «славный парень», если бы прямо сейчас вожаемая добыча не уплывала из-под носа из-за этого славного парня.

– Зачем нам Олег, нам Олег не нужен, – произнёс Георгий тоном Семёна Фарады, подмигивая, не собираясь отступать.

Да с хрена ли! Такой лакомый кусочек, такая лапушка, крошка расчудесная. Как там в песне...

«...девочка в бежевом платице, давай сбежим, на тебя буду тратиться».

Я готов тратиться на тебя, давай же сбежим, буду, как в песне, любить тебя сильно и искренне, до тёмных точек глазах и сбитого дыхания отлюблю. Ноги свести не сможешь, обещаю.

– Георгий Давидович, прекратите немедленно! – подскочила Аня, окатив взглядом, словно ушатом ледяной воды облила.

– Прости, – охолонился Георгий, встал следом. – Тебя я понял, умолкаю! Не то по шее получу и подвиг свой не совершу, – попытался шуткой сгладить ситуацию. – Ну, прости идиота. Я поблагодарить пришёл, а что-то занесло, как... – поймал себя на слове, мысленно отвесил по губам.

Очнись, Сабуров, не все женщины, как рублёвые монеты, готовы прыгнуть в твою постель по первому щелчку, не все такие гниды, как Кристина. Есть те, кто хранит верность своему выбору, даже если это бесформенный мужик, не знающий, где у его женщины клитор. Уважать нужно таких женщин, а не оттачивать мастерство Казановы, тот, между прочим, плохо кончил, по непроверенным данным – острым бактериальным простатитом.

– Спасибо, что помогла, – ловким движением Георгий достал из сумки набор сладостей, положил на стол, подтолкнул к ошарашенной Ане. – На корпоративе, – напомнил он. – И с телефоном.

– Не за что, это сделал бы любой.

– Да, но сделала ты, а не любой, – отметил Георгий, не принимая возражения. – Вообще-то там людей хватало, медиков в том числе, но сориентировалась и помогла именно ты, так что спасибо тебе огромное.

– Пожалуйста, – смутившись, ответила Аня. – Не надо было...

– Это всего лишь сладости, а не моя бесподобная натура, – не выдержал-таки Георгий, но в этот раз сменил тон на чуть ироничный, с тёплыми, дружескими нотками.

Аня в ответ благодарно улыбнулась, оглядела сладости, явно представляя, как слопаёт часть из них. Георгий пожалел, что он не кусочек пахлавы с миндалём. Он бы не отказался оказаться в сладком ротике...

Так, о ротике подумаешь потом. Выйдешь из кабинета, думай, сколько влезет, хоть до самого утра. По пути домой есть парочка приличных массажных салонов, имеются телефоны безотказных дам, в конце концов, от дрочки ладони волосатыми не становятся. Главное, прямо сейчас не демонстрировать неуместную похоть.

– Я пойду, – поднялся Георгий. – Ещё раз спасибо.

– Ещё раз, пожалуйста, – ответила Аня, вставая следом.

Эх, а ведь и правда, хороша, чудо какая ладненькая. Хрупкие ключицы, выглядывающие из выреза, придавали изящества образу. Простой кулон ровно в яремной выемке, подчёркивал длину шеи. Халатик облегал грудь – уверенную двоечку. Тонкая талия при соблазнительном изгибе бёдер и плоском животе, скромный рост и вес смотрелись просто бомбически. Фантастика, да и только.

Эта, Георгий, фантастика не про твою честь. Уймись! И либидо своё, приосанившееся в штанах, успокой.

С этими мыслями и убрался восвояси, подмигнув на прощание Маргарите – ему не жалко, а девчонке приятно.

Ни в какой массажный салон ехать почему-то не захотелось. Дамы, готовые его оседлать по первому звонку, тоже не вызвали оптимизма. Сайты для взрослых – и те оставили равнодушным.

Весь вечер пялился в телевизор, шло какое-то политическое ток-шоу, бессмысленное и беспощадное, как борьба женщин с возрастом. Не заметил сам, как уснул. Проснулся среди ночи, выключил телек, забрался под одеяло, поставил будильник на раннее утро, снова провалился в сон, где ему улыбалась Аня, позабывшая про своего Олега, чтоб ему провалиться, уроду расторопному. Успел перехватить лакомый кусочек, крошку, которая прямо для Георгия создана природой-матушкой.

Глава 3

Аня отвела взгляд от окна, где медленно кружился снег, падая на побелевший асфальт, крыши машин и соседних домов.

– Анечка, не стой в стороне, – громко позвала Галина Эдуардовна – старшая операционная сестра.

Женщина около пятидесяти лет, внешне немного грубоватая, громкая, которой всегда много. Но стоило пообщаться с ней поближе, становилось понятно, что перед тобой необыкновенной души человек, отзывчивый и сопереживающий.

Аня обернулась, с улыбкой прошла к импровизированному столу, накрытому мужской половиной Центрального филиала в честь Восьмого марта.

Чего здесь только не было, на любой вкус, от разнообразных сетов суши, горячих закусок, пиццы на тонком тесте, ароматных хачапури – для тех, кто любит сытнее, – до овощных салатов и спринг-роллов для худеющих к лету дам.

– Ешь, – Галина Эдуардовна подтолкнула одноразовую тарелку с пышным, истекающим сыром хачапури по-мегрельски. – Не смотри на них, тебе можно. Нет, нужно! – провозгласила она, вручая стакан с персиковым соком.

– Аня у нас ведьма, – беззлобно засмеялась администратор Маша, – Ест и не толстеет.

– Давайте её сожжём, – прыснула рядом палатная медицинская сестра, ровесница Ани, выше её на голову и больше килограмм на пятьдесят. – Вот бы мне так, – мечтательно закатила глаза, подтянула себе два куска пиццы, положила один на другой и откусила сразу половину, запив бокалом сладкого шампанского.

Высокое руководство уже поздравило рабочий коллектив, отметив некоторых грамотами, кого-то отправили на желанное обучение, кому-то выписали повышенную премию. Все остальные получили стандартный подарочный набор и небольшую, но приятную денежную сумму.

Аню ничем не выделили, никуда не отправили, но она была безмерно счастлива тому, что уже имела – рабочее место, о котором год назад мечтать не смела.

Они с мужем работали на скорой помощи, «скоряки». Профессию Аня выбрала осознанно, с восьмого класса видела себя только в медицине, никакие другие варианты не рассматривала, сколько бы мама не уговаривала одуматься.

Поступить в институт после единственной школы в их посёлке городского типа на краю Мурманской области было чем-то фантастическим, да и средств таких в родительской семье не было. Аня пошла сначала в медицинский колледж, потом уже в институт.

Училась и работала одновременно, выбивалась из сил, старалась, верила, что рано или поздно станет востребованным специалистом. В итоге упёрлась в то, откуда начинала свой путь – отсутствие денег.

Дорога в узкие специалисты была заказана, в районную поликлинику терапевтом устроиться не удалось, единственной зарплаты мужа после рождения ребёнка стало критически не хватать даже на покрытие основных нужд, плюс съём жилья. Пришлось отдавать дочку Василису в ясли в каких-то полтора годика и выходить в линейную бригаду скорой помощи.

Легче не становилось, наоборот, прибавилось проблем, болезней Василисы. Аня с мужем перекидывали ребёнка друг другу, подстраивали графики, чтобы успеть отвести и забрать из яслей, брали больничные по очереди, иногда просили за незначительную мзду посидеть с малышкой бодрую соседскую пенсионерку, чтобы хоть как-то выкрутиться, но с каждым месяцем она чувствовала, что выдыхается сильнее и сильнее.

В полном отчаянии она поговорила с подругой, бывшей одногруппницей из медицинского колледжа, попросила устроить в косметологическую клинику, в которой работал её

гражданский муж. Врачом, медсестрой, хоть чёртом в ступе, готова была в уборщицы пойти, лишь бы график и зарплата подходили.

На чудо не надеялась, не была Кристина тем человеком, кто безвозмездно протягивает руку помощи, с Ани же, кроме долгов, взять было нечего. Каково же было удивление, когда не прошло и недели, как из клиники позвонили, пригласили на собеседование.

Аня не побежала, она полетела. Хорошо, что сообразила одеться прилично, нанести макияж, не вваливаться в отдел кадров в спецовке.

К невероятной, на грани обморока, радости, Аню взяли терапевтом. Пришлось пройти обучение, повысить баллы НМО, как следует попотеть, но главное – она была трудоустроена на хорошее место, с приличной зарплатой, удобным графиком и понимающим начальством.

Требования были, иногда совершенно идиотские, частенько Аня считала, что то, что делает она – лишено всякого смысла и не приносит никакой пользы. Часто выписываемые ею капельницы красоты и программы детокса были бесполезной тратой денег и времени, но как эти мысли приходили, так и уходили под спудом понимания, что жизнь – не фильм про врачей-энтузиастов. Ей нужны деньги и нормальные условия труда, пациенткам – вера в панацею от старости.

В плане свободного времени легче не стало, но нормированные рабочие часы, не сутками, давали огромное преимущество. Про зарплату упоминать грешно, наконец-то они с Олегом смогли залатать главные дыры, покрывали основные нужды и даже задумались о своём жилье, последнее всегда казалось чем-то нереальным.

Не говоря о такой приятной малости, как покупка вещей не только первой необходимости, но и по случаю, настроению, просто так, потому что понравилось. Новые платья, несколько пар обуви на сезон, фирменная, качественная одежда дочери.

Что ещё для счастья надо? Если только отношение Олега к новой работе Ани, её успехам, своему здоровью, к собственным вредным привычкам, которые, кажется, одерживали победу, если так можно сказать.

Победа – это когда человек борется, Олег же плыл по течению.

Но ведь в любой семье бывают кризисы, правильно? Все проходят через трудности, непонимание, проблемы роста и они обязательно пройдут и справятся. Они так давно с мужем вместе, аж с первого курса колледжа, что по-другому и быть не может. Они обязательно пройдут через этот период и забудут, как страшный сон.

Аня съела спринг-ролл, насладившись вкусом, облизнула с губ ореховый соус, обернулась к Галине Эдуардовне, которая рассказывала какой-то анекдот в стиле поручика Ржевского, над которым гоготали мужчины – два пластических хирурга и один мастер эпиляции, оказывается, и такие специалисты востребованы в сфере косметологии. Громче всех смеялся массажист, словно нечаянно обнимая косметолога Верочку, кажется, у них был роман, но точно никто не знал, особенно жена массажиста.

– Милые дамы, с праздником!

На пороге появился Сабуров Георгий Давидович – ведущий пластический хирург клиники, по слухам – владелец, наверняка никто сказать не мог. Про себя Аня называла его Егором, по старой памяти.

Егор – тот самый гражданский муж её подруги, который устроил Аню сюда. В молодости они были в одной компании, дружили, весело проводили время, она даже несколько раз была в гостях у Егора, не она лично, естественно, а вся их компания.

Но то время безвозвратно ушло, жизнь всё поставила на свои места. Егор стал Георгием Давидовичем – светом и надеждой эстетической пластической хирургии, более чем обеспеченным человеком, владельцем клиники (по слухам). Аня – рядовым терапевтом в этой клинике, радующаяся тому, что вообще попала сюда.

Егор держал в руках огромную охапку свежих тюльпанов, которые разносили по помещению оглушающий запах весны, надежды на что-то неясное, никак не очерченное, но остро желанное.

– Галина Эдуардовна, золотая моя! – с улыбкой проговорил Егор, протягивая один из букетов своей неизменной операционной сестре с тёплыми пожеланиями и комплиментами, от которых суровая медсестра растеклась в довольной улыбке и даже порозовела от смущения.

Дальше шли остальные дамы, Егор не забыл даже двух приходящих уборщиц из клининговой компании, вручив им букеты прямо на рабочем месте, обязав непременно присоединиться к общему празднованию. Подождут, дескать, полы, нужно обязательно зайти, вкусно поесть, душевно отдохнуть.

Последней была Аня, Егор подошёл к ней сам, произнёс дежурные слова, тёплые, вежливые, никак не переходящие личные границы, но ей отчего-то показалось, что слова не просто нарушали границы, они сметали их. Сносили, как десятибалльные волны утлое судёнышко.

Егор дежурно обнял Аню, не интимней, чем остальных женщин в кабинете, опалил рецепторы обоняния свежим, с морозца, парфюмом. Заставил замереть, как перепуганный кролик, быстро шепнул на ухо, так, чтобы никто не придал значения:

– Всё хорошо, Аня.

Откуда взялось это «Анюта», Аня не понимала. Всегда была для Егора Аней, и вдруг, ни с того, ни с сего, стала Анютой, причём только когда по случайности оставались наедине. В остальное время для Георгия Давидовича она была Анной Викторовной, и никак иначе.

– А теперь танцы! – провозгласил Егор, включил музыку, и галантным жестом пригласил Галину Эдуардовну.

Закружил выверенными движениями в импровизированном вальсе, призывая остальных мужчин последовать его примеру. Постепенно все присутствующие танцевали, кто как мог, у кого с кем получилось. Учитывая, что дам было значительно больше, кавалерам приходилось часто менять партнёра, чтобы никто не чувствовал себя обделённым в такой-то праздник.

Ане выпала честь потанцевать с Павлом Сигизмундовичем – гуру в области абдоминопластики, к нему даже из-за границы приезжали. Покружиться с массажистом под ревнивым взглядом Верочки и потоптаться с несчастным мастером шугаринга, которого самого поздравить в этот день не мешало бы.

Из неловких объятий парня её выхватили умелые руки Егора, повели лёгкими движениями, кружа в ограниченном пространстве кабинета. Аня быстро вспомнила, что на самом деле она любила и умела танцевать, когда-то с удовольствием занималась хореографией, просто под гнётом бесконечных забот забыла о таком простом, доступном удовольствии. Олегу никогда не нравилось танцевать, раньше он терпел навязчивое желание жены, но в последние годы отказывался, да и Ане стало не до танцев. Выжить бы, успеть, догнать, справиться...

А сейчас она легко кружилась в придерживающих объятиях Егора и млела от удовольствия, причём от чего именно, сказать было сложно. От самого танца, дорвавшись, наконец, до простой радости, или от близости Егора, что ни в какие рамки не годилось, даже украдкой мечтать о подобном было недопустимо.

Она – замужняя женщина. Он – мужчина её подруги.

– Ну всё, Георгий Давидович, – громыхнула Галина Эдуардовна на весь кабинет, – после такого, как честный человек, вы должны жениться!

Окружающие покатались со смеха. Аня против воли залилась горячим румянцем, быстро отвернулась к окну, пряча лицо. Егор с максимально бесстрастной улыбкой мягко отвёл Аню в сторону, обернулся к Галине Эдуардовне и громко, торжественно заявил:

– Если я когда-нибудь женюсь, то только на вас, дорогая моя!

– Придётся подождать, когда я овдовею, а Семён Павлович мой ещё хоть куда. Боюсь староваты вы будете для такой красавицы, как я.

Галина Эдуардовна встала во весь свой немаленький рост и вес, покрутилась вокруг своей оси, демонстрируя себя во всей красе, и завершила полушутливым, слегка самодовольным:

– То-то же!

– Сердцеедка! – Егор наигранно схватился за область сердца, покачнулся и закатил глаза, вызывая море громкого, раскатистого, доброжелательного смеха.

Аня успела выдохнуть, прийти в себя и потихоньку выскользнуть в коридор, а после, так же по-английски тихо, уехать домой.

В кухне бубнил телевизор, голосом симпатичной дикторши обещающая очередное похолодание и снегопад. На полу выстроились в ряд пустые бутылки из-под пива, на столе остатки трапезы, явно не на одного взрослого и ребёнка трёх лет.

В комнате, устроившись рядом со спящим Олегом, сидела Василиса в окружении мягких игрушек, смотрела Дашу Путешественницу, иногда подпрыгивая, чтобы ответить на вопросы мультипликационной девочки на экране.

– Олег, иди на кровать, – проговорила Аня, тормоша мужа за плечо.

Сморщилась от запаха перегара, хорошо хоть лежал спиной к дочери, та не дышала мерзостью.

– Ань, – недовольно завозился Олег.

– Иди, я расстелила. Вечер уже, почти ночь, выспишься хоть.

– Ладно, – Олег перевернулся, машинально погладил Василису по светленькой, кудрявой макушке, встал, отправился в сторону кухни.

– Олег, – нахмурилась Аня, выйдя вслед за мужем, убедившись, что дочку от одного из обожаемых мультфильмов не оторвать – Мог бы не пить при Василисе... я же просила.

– Прости, – шлёпнулся на стул Олег, выпил одним махом стакан воды, цокоча зубами по стеклу, – Сутки паршивые, с утречка ДТП с констатацией, днём суицидница, еле откачали, потом на стройке мужика завалило, через восемнадцать часов обнаружили, сама понимаешь, краш-синдром, вряд ли выкарабкается, и под занавес позднее послеродовое кровотечение – не довели. Двадцать три года девчонке, одна с ребёнком была, пока муж приехал с работы, пока нас вызвал...

– Жопа, конечно, – посочувствовала Аня.

Искренне посочувствовала, кому, как не ей знать ад, который почти ежедневно проходил Олег. Ей удалось вырваться, она просто больше не могла ни терпеть эту работу, ни справляться с нагрузками, ни мириться со скотским отношением начальства и пациентов, ни с копеечной зарплатой.

Олег не уходил, не мог, вернее, не хотел, «подсел на иглу». Из скоряков либо в первые годы бегут сломя голову, либо тянут эту лямку до самого конца, отнюдь не победного.

– Я уберу, – огляделся вокруг Олег. – Иван заходил, – извиняющимся тоном пояснил он.

– Хоть бы суп из пакета сварили, – вздохнула Аня. – Опять ерундой закусывали. Людей спасаете, а себя до язвы доводите... Сейчас суп сварганю, – достала заранее разделанную курицу, картофель, овощи, зелень.

– Фрикадельки с рисом были, но они Василисы, мы так... – Олег махнул рукой.

– Папа! – подскочила дочка. – Смотри, какой я рисунок нарисовала. Цветочек для мамы!

– Очень красивый цветочек, – подхватил Олег малышку. – А ты мой самый красивый цветочек, самый вкусный, съем!

– Нет, нет, нет, – засмеялась Василиса, выворачиваясь из рук папы. – Не догонишь и не съешь!

Олег шутливо побежал в комнату, «догоняя» дочку, Аня принялась чистить овощи, бросая взгляды на большой букет тюльпанов в двухлитровой банке. Столько лет живут, подходящей вазой так и не обзавелись. Обходились без цветов, не нужны были вазы, ни большие, ни маленькие. На Озоне что ли заказать...

Ближе к ночи Олег растянулся на кровати, полусонно глядя на экран телевизора, где молчаливо бегали врачи сериала, спасая жизни направо и налево. Василиса крепко спала, уткнувшись личиком в одну из своих мягких игрушек, сегодня в розового слона Василия, названного в честь маленькой хозяйки.

Аня устроилась рядом с мужем, вздохнула, сами собой полезли воспоминания о том человеке, о котором думать нельзя, запрещено строго-настрого. Как он подарил тюльпаны, как шепнул: «Всё хорошо, Анют».

«Анюта» – это его, неизвестно откуда взявшееся, такое вдруг сладкое, щекочущее в груди, где-то у сердца.

Руки его на талии, прижимающее к своему сильному телу совсем легко, между прочим, и от этой близости так хорошо, что хочется жмуриться, как кошке в солнечном луче.

Сжала ноги от накатившего желания, настолько острого, что стало стыдно, хотя стыдиться-то нечего. Она взрослая женщина, двадцать семь лет, почти двадцать восемь, хотеть близости – нормально.

– Олег, – она погладила мужа по плечу, красноречиво потёрлась, показывая взглядом, что лучше пойти в кухню или ванную комнату.

– Ань, давай завтра, – полусонно пробормотал тот в ответ.

Завтра, так завтра... Сколько это, уже ставшее мифическим «завтра» длится? Три месяца, как минимум.

Глава 4

– Анна Викторовна, здесь вам принесли, от тайного поклонника, – услышала Аня по телефону от Риты – администратора Адмиралтейского филиала.

Глянула на часы, поспешила к ресепшену, рядом с которым стояли три женщины, ещё несколько сидели вдоль коридора, устроившись в удобных креслах для ожидания. Молча подошла к стойке, Рита на секунду оторвалась от клиентки, протянула Ане пакет, снова вернулась к работе.

Аня зашла в кабинет для отдыха персонала, быстро распечатала упаковку, оглядела то, что видела, довольно облизнулась. Сразу же съела спринг-ролл, за ним ещё один. Вкусно!

Первый раз, когда прислали доставку из ресторана, она искренне растерялась, решила, что курьер ошибся. Позвонила в службу доставки, несколько раз переспросила, точно ли никакой ошибки, ведь она-то ничего не заказывала. Оказалось, доставку сделал мужчина, он же оплатил, данные карты, естественно, неизвестны, имя называть отказались или действительно не знали, лишь сведения: кому и куда привезти.

Тогда Аня на секунду решила, Олег решил побаловать, что было совершенно не свойственно ему. Не потому, что скупой на деньги или эмоции, просто под спудом вечных забот романтика ушла из их отношений, кажется, навсегда. И всё-таки сердечко ёкнуло, вдруг... Ведь любой жене, под любым гнётом, хочется красивых жестов в свой адрес от собственного мужа. И Ане хотелось.

Олег быстро опустил с небес на землю, заявив по телефону, что ему есть чем заняться на работе, кроме заказа обеда жене, самому бы успеть позреть. Чашка растворимого кофе с раннего утра – вот и весь запас жиров и углеводов за сегодняшний день.

– Тайный поклонник, – мечтательно закатила глаза Рита, ставшая свидетельницей той, самой первой доставки.

Так и повелось, «тайный поклонник» стало именем нарицательным, означающим, что Анне Викторовне прислали презент, которым она наверняка поделится с коллективом.

Вскоре выяснилась, что тайный поклонник в курсе рабочего графика Ани и замен, когда они случались. Ей не составила труда догадаться, кто этот поклонник – Сабуров Георгий Давидович. Егор.

В ближайшую смену в Центральном филиале она прошла в стационар, нашла виновника своего смущения, подошла, полная решимости поставить на место, сказать, что подобные вещи недопустимы. За кого он её принимает, и что всё это значит? Впрочем, что значит – догадаться было нетрудно, не наивная дурочка, но пусть свои поползновения оставит для другой, ей, замужней женщине, это совсем не интересно.

Георгий Давидович широким шагом шёл по коридору, сосредоточено думая о чём-то своём. Тёмно-серая хирургическая форма удивительно шла ему. Он словно с буклета рекламного сошёл, актёром на красной дорожке престижного кинофестиваля был.

– Егор, – Аня решительно встала перед спешащим, перегородив дорогу.

Смутилась от собственного панибратского обращения, как же он Егор... это для Кристины он Егор, для неё – Георгий Давидович, по имени отчеству и непременно на вы. Поспешила исправиться:

– Егор Дави... Георгий Давидович, можно вас на минуточку? – скосила взгляд в сторону, на них во все глаза смотрела постовая медсестра, которая стала свидетельницей их танца на восьмое марта.

– Что такое, Анна Викторовна? – Георгий Давидович по-дружески приобнял её за плечи и повёл в сторону своего кабинета.

– Георгий Давидович, – выдохнула она, как только они переступили порог, – не нужно присылать мне еду, я не голодаю.

– Если бы я думал, что вы голодаете, я прислал бы половину говяжьей туши, например, и мешок картофеля. А это всего лишь небольшой знак признательности, – не стал упираться и отнекиваться Георгий Давидович. – Ешь на здоровье.

– Это неудобно!

– Честно говоря, Анют, неудобно то, что я опаздываю на операцию, а парочка спринг-роллов, несчастный греческий салат или лосось терияке всего лишь дружеский жест, из которого не стоит делать мировую проблему.

– Простите, – отступила Аня на пару шагов, обругав себя на чём свет стоит. Действительно, нашла время и место для разборок, да и причину тоже...

Причина уважительная, но можно в другое время подойти. После работы подождать на парковке или перед приёмом поймать, в обеденный перерыв, наконец, а не когда ждут в операционной.

– Кушай и никого не слушай, – подмигнул Георгий Давидович и, резко развернувшись, вышел из кабинета. Аня поспешила следом, не оставаясь же на чужой территории.

Она надеялась, что Егору надоест делать заказы, отслеживая её график, замещения, выходные. Время шло, а «тайный поклонник» не уставал. Хорошо, что никто не догадывался, кто именно подкармливает рядового терапевта. Иначе бы этот терапевт глаз не смог бы поднять от стыда. Замужняя женщина, называется. Стыдоба!

Постепенно она привыкла, полюбила и даже с нетерпением ждала, что же будет в следующей доставке. В дни, когда ей нужно было бежать из одного филиала в другой, и не оставалось времени на обед, обязательно присылали суп. Обычную солянку, ароматный фо-бо, сытный чаудер или давно ставший привычным экзотический том ям. В вечерний приём в заказе обязательно находился детский десерт. Небольшое пирожное в виде зверька, сладкие свежие ягоды не по сезону, мороженое в забавной упаковке, явно для Василисы.

В её графике произошли небольшие изменения. Она осталась в Адмиралтейском филиале на вечернем приёме. Днём же чаще работала в стационаре, что было очень удобно – рабочих часов чуточку, но меньше, зарплата же больше.

Однако не это стало основной причиной тихой радости Ани, а то, что с «тайным поклонником» они стали встречаться чаще. По долгу службы, естественно, в рамках общения коллег, но... что-то щемило под ложечкой, сердце замирало, когда она видела особенные отношения Егора к себе, тщательно сдерживаемое, незаметное для окружающих.

Пожалуй, с ней, на глазах коллег, он общался более формально, чем с остальными женщинами-коллегами. С ними он напропалую заигрывал так, что молоденькие девочки принимали всё за чистую монету, пока не ударились о горькую правду: всеобщему любимцу Георгию Давидовичу до фонаря все и вся, на работе он романов не крутит. И вообще – женат.

Аня ругала себя за собственную слабость, обещала себе не обращать внимания на Егора. Неустанно напоминала себе, что он – мужчина её подруги. Причём той самой, что устроила её на работу. Отплатить чёрной неблагодарностью она попросту не могла, даже представить подобного не получалось, хотя иногда представляла такое, что... о, более жаркого стыда, чем за собственные фантазии, она не испытывала никогда в жизни.

У неё был законный муж, отец её дочери. Человек, с которым они много пудов соли съели, о котором и нужно думать денно и ночью, помогать, понимать, делить горе и радость – так было правильно.

Горе, слава богу, их с Олегом миновало. Радость, впрочем, тоже. Иногда Ане казалось, что она бьётся, как рыба об лёд, пытаясь вытащить мужа из лап надвигающейся зависимости, но всё тщетно.

Или прав Олег, зависимость ей только мерещится. Выпивает Олег после каждой смены, но ведь не напивается до беспамятства. Нет! Всегда можно быть уверенной, что он заберёт Василису из садика, накормит, погуляет, поиграет, будет лепить из пластилина и собирать осенние листья в парке. Они с дочкой лучшие друзья-приятели, настоящие заговорщики.

Стоит ли расковыривать струп над гноем в их с мужем отношениях, ведь эта корка не просто так существует, она защищает от микроорганизмов и грязи.

Аня никак не могла избавиться от ощущения, что семейная жизнь её ускользает, как песок сквозь пальцы. Пропало что-то между ней и Олегом, не просто секс, которого почти не стало, а тот, что случался – впопыхах, в порядке одолжения, – не приносил и капельки удовольствия, а что-то по-настоящему важное, основополагающее. То, что она надеялась нащупать, ухватить, спасти.

Олег не поехал с ней и Василисой в отпуск, а ведь они впервые отправились на море. Для Ани это стало целым событием. Она так хотела, так мечтала, с таким усердием откладывала деньги и с энтузиазмом выбирала место, отель, номер что не заметила глухое недовольство Олега.

– Зачем я тебе теперь нужен? – сказал он однажды. – Ты у нас теперь дама самостоятельная, сама поездку на море оплатить можешь, – фыркнул пренебрежительно.

Аня растерялась. Разве она хотя бы раз выказала недовольство зарплатой Олега, его лептой в семейный бюджет? Фельдшер скорой помощи не золотая антилопа, кому, как не ей это понимать.

– Радостная какая, счастья полные штаны... – грубо добавил он.

– Конечно, радостная, – вспыхнула Аня. – Мы с тобой ни разу на море не были, а сейчас можем съездить и Василису свозить! Что плохого?

– Я был, в пять лет, а Василисе там делать нечего. Две недели мало для акклиматизации трёхлетки, кто из нас врач, спрашивается...

– А я не была! – фыркнула тогда Аня.

Ей очень, очень хотелось на побережье. Своими глазами увидеть песчаные и галечные пляжи, окунуться в тёплую воду, увидеть низкие звёзды, вдохнуть морской воздух, съездить к водопадам, одним глазком глянуть на горы. Самой почувствовать то, о чём пишут на форумах, рассказывают отдохнувшие коллеги.

– Вот и вали! – рявкнул Олег, обидев Аню.

На следующий день он огорошил тем, что ему не дают отпуск, а ведь всё казалось согласованным. Сумасбродное начальство решило, что хрен на блюде Лапину, а не положенный отпуск. Потом-то выяснилось, что Олег сам поменялся с коллегой, решил, что ноябрь – нормальный месяц для отпуска, жена и в одиночестве прекрасно отдохнёт.

Аня поехала одна с дочкой, её даже проводить было некому. Решила, доберётся на такси, уж теперь-то точно не обеднеет. Олег сказал «дама самостоятельная» – вот и проявит самостоятельность.

В итоге добиралась не на такси, проводил Георгий Давидович. Прямо до поезда довёл, донёс огромный чемодан, сумку, ещё и Василису подхватил на руки.

Аня хотела заплатить за «дружескую помощь», так ей было бы комфортней, ситуация выглядела бы не настолько провокационной, только ничего не вышло. Егор глянул на купюры с таким недоумением, что Аня мгновенно сообразила, что лучше спрятать их подальше и притвориться, что ничего не было... Показалось. Мираж!

– Всё-таки мне кажется, что ехать одной так себе идея, Анют, – сказал Егор в поезде, когда устроил чемодан на положенное место, а сумку закинул на третью полку.

– Поехали с нами, – не думая пошутила Аня.

– Я бы с удовольствием, – нагнувшись под её рост, прошептал Егор, поправляя ей выпавший из высокого хвоста локон. – Не представляешь с каким... – опалил дыханием, отчего у самой Ани дыхание пропало.

Сердце рвано забилося, во рту пересохло, в груди что-то сжалось, опустилось вниз живота, заставляя кровь бежать с утроенной скоростью. Щёки совершенно предательски покраснели, ладони сжались от желания прикоснуться к лицу Егора. Интересно, насколько щетина жёсткая, а губы мягкие и тёплые, какого вкуса?..

– До встречи, – быстро отошёл от неё Егор, будто поставил её на место со своими глупыми желаниями и мечтами.

К Георгию Давидовичу найдётся, кому прикасаться. У Ани же, между прочим, муж законный имеется. Очнись!

Взаимная симпатия чувствовалась, как рукой по оголённому проводу. Аня не глупенькая девочка, чтобы не видеть, не понимать, что происходит между ними двумя, но они не звери, чтобы бездумно следовать желаниям.

Георгий Давидович, именно Георгий, именно Давидович, а не Егор, не поддаётся, и ей необходимо держать себя в руках!

– Пока, Василёк! – попрощался он с Василисой, вызвав по-настоящему счастливую улыбку дочери. – Привезёшь мне браслетик из ракушек?

– Да! – подпрыгнула на полке Василиса. – Привезу!

«Мы сели в поезд», – написала Аня чуть позднее Олегу, отчиталась, хоть он вопросов не задавал, видимо, свято верил в самостоятельность жены, её безграничные возможности дотащить огромный чемодан, сумку и трёхлетнюю дочь до поезда.

«Как добрались?»

«Коллега подвёз», – не стала обманывать она.

Не умела врать, не научилась за почти двадцать восемь лет жизни, и начинать не собиралась.

«Отлично. Привет коллеге».

Сколько же она передумала об этом коллеге, чего только не представляла, как только не ругала себя после собственных фантазий, которые бились в ней двое суток пути к Чёрному морю. И столько же на обратном пути.

А уж, сколько мыслей и воображения пришлось на долгие южные ночи, когда не спалось от духоты и накатывающего некстати желания, стоило вспомнить горячий шёпот: «Я бы с удовольствием».

Танец на восьмое марта, спринг-роллы на обед, белозубая улыбка, внимательный карий взгляд, упрямый локон на лбу, шуточные интонации в голосе, дружеские объятия, такие, совершенно между делом, при нечаянных встречах в отделении стационара...

Встречал их с Василисой Олег, дочка была счастлива, Аня, честно говоря, тоже. Увидь она на перроне того, кто их провожал, неизвестно, сдержала бы она эмоции. Вдруг выдала бы свои мысли, чувства, желания, ведь врать и приотворяться у неё никогда не получалось, а этого допустить ни в коем случае нельзя.

У Егора есть женщина. У неё – муж.

Глава 5

Георгий Давидович наконец-то закончил приём. Рабочий день затянулся, честно говоря, изрядно вымотал. Три операции до обеда, не успел толком поесть – приём. Вместо пяти пациентов семь, в том числе постоянная, на диво упрямая.

Он уже отказывал несколько раз этой особе, просил подождать с очередным вмешательством, искренне считал не только лишним, но и опасным. Сколько можно бороться со старостью ценой собственного же здоровья?

Желание женщины видеть молодое отражение в зеркале похвально. Положительно называется не только на жизненном тонусе самой пациентки, но и на его кошельке. Только когда кардиологи разводят руками, анестезиологи отмахиваются ссаными тряпками, лишь бы не брать на себя ответственность за идиотизм пациента, остро встаёт вопрос состояния психики женщины, а не её форм.

Хочется даме выглядеть, как мумия – её право, он хоть глаз ей на жопу натянет. Но можно обойтись без смертей на операционном столе во имя «красоты»? Вот что-то, а сомнительная репутация клинике не нужна точно.

Георгию сначала Рус тот самый глаз на задницу натянет. Потом Роспотребнадзор с прокуратурой отымеют в особо извращённой форме. Да такой, что богатый сексуальный опыт не спасёт от крайней степени удивления. Это если выражаться цензурно.

Быстро принял душ, переоделся, накинул куртку, выбрался в полутёмный коридор. Приём окончен, стойка ресепшена чуть подсвечена, администратора след простыл. У дверей маячил охранник, в ожидании, когда последние врачи покинут помещение, и он, наконец, сможет уставиться в телевизор и закинуться чаем.

Автоматически остановился у дверей с табличкой «Лапина Анна Викторовна», прочитал дважды, с каким-то неясным удовольствием, как деликатес смаковал. Анна Викторовна, Анна, Аня, Анюта... Почему Анюта, Георгий сам не понимал.

Для него она стала Анютой как-то в одночасье, словно тумблер переключился с привычной Ани к тёплой, уютной, такой, что затискать бы, зацеловать, Анюте.

Как же она ему нравилась, как нравилась, до дрожи в подреберье и руках, просто чудо какое-то, настолько нравилась. Не то сама Анюта чудо, не то чувства его, неизвестно откуда взявшиеся. Совершенно лишние, ненужные ей. Ему, пожалуй, тоже.

К адюльтеру Георгий относился спокойно, с толикой юмора, полагая, что моногамия – не главная добродетель человечества вообще и в отношениях в частности. Не было у него делений на женщин и мужчин, он не считал мелочно, что верность – прерогатива исключительно женщин, мужикам по статусу полагается собирать всё, что подаёт признаки жизни и согласно.

Верность – это добрая воля человека, а не навязанное социумом обязательство. Неважно, какого пола и статуса этот человек. Для этой самой воли нужна серьёзная мотивация, какой встречать ему ещё не приходилось, несмотря на многолетний опыт отношений с одной женщиной.

Для загулов, причём взаимных, тематических вечеринок со сменами партнёров, как вместе, так и по раздельности, мотивов с Индийский океан, а для моногамии – нет.

У Анюты же, очевидно, был иной взгляд на отношения, брак, верность, на жизнь вообще. Кто он такой, чёрт возьми, чтобы ставить под сомнения её убеждения?..

Хотел, тысячу раз порывался, каждый раз останавливался, порой мысленно бил себя ногами под дых, чтобы вернуть мозгам данную природой возможность соображать. Не нужен ты этой девочке со своими представлениями о «прекрасном». Просто-напросто не нужен, да и она тебе... зачем?

Хочется испортить кому-нибудь жизнь – есть Кристина. Тварь танком переехать можно, развернувшись трижды на месте, и ничего с этой сукой не случится, лишь отряхнётся и счёт предъявит за причинённые неудобства.

Выбросить бы из головы мысли об Анюте, желания, воспоминания о минутах общения, которые он складывал поближе к сердцу и любовался ими в приступах ненужной сентиментальности, но, похоже, Георгий становился отъявленным мазохистом и выбрасывать ничего не собирался. Напротив, он прямо-таки смаковал каждый миг, дыхание, взгляд, полунамёк на взаимную симпатию.

Говорят, для психики важно пережить опыт первой любви, с её возвышенными порывами, идеализациями. С открытием в первую очередь самого себя, своего места в мире чувственности. Георгий начал со второй, если не третьей, пятой, одиннадцатой любви, изначально покрытой коростой цинизма, похоти и сексуальных экспериментов за гранью общепринятых понятий.

Видимо, его чувства к Анюте были той самой, не случившейся в юности, первой любовью, поэтому Георгий не хотел, скорее не мог отпустить её. А что делать с ней, тоже не понимал, потому просто-напросто наслаждался, раз выпала такая возможность.

Неожиданно услышал шум за дверью кабинета, следом раздался отчаянный детский плач и глухой голос Анюты, уговаривающий не плакать.

Дважды стукнул костяшками пальцев по двери, открыл кабинет. Василиса – трёхлетняя очаровательная особа, – сидела на стуле, вцепившись в стол, и совершенно не очаровательно надсадалась в рёве, одновременно пытаясь увернуться от рук мамы.

– Анют, что случилось? – нахмурился он, оглядывая представшую картину.

– Мы уже уходим, Егор Давидович, – выпалила Анюта, бросая быстрый настороженный взгляд на нежданного гостя.

– Нет, я не пойду! – закричала Василиса, забарабанив ногами в розовых кроссовках по столу.

– Хорошо, останешься, – согласился Георгий, садясь на корточки рядом со стулом Василисы.

Та озадаченно посмотрела на говорящего, недовольно повела плечиком в белой пушистой кофточке, задумалась о чём-то своём и снова закатилась в крике, настолько громком и отчаянном, что на пороге появился охранник, внимательно оглядывая происходящее.

– Говорит, зубик болит, а к зубному идти отказывается, – выдохнула Анюта, извиняясь тоном и жестами. – Пойдём, Василиса, – попыталась поднять упирающуюся всем телом малышку.

– Не пойду! Не пойду я!

– Зубик – это плохо, – отреагировал Георгий. – Записались к врачу?

– Какое там, – в отчаянии махнула рукой Анюта. – Позвонила в несколько ближайших клиник, нигде записи нет. Поедем в районную, к дежурному...

– Не поеду! – прыгнула Василиса со стула.

Плакала в три ручья, неизвестно – от страха перед зубным врачом или от боли. Крохотными ладошками она обхватывала пухлые щёчки, отчаянно тёрла с правой стороны, давила себе на ушко и от этого редела ещё сильнее.

– В садике, что ли, её так напугали?.. – чуть не плача, проговорила Анюта. – Василиса, одевайся.

Попыталась надеть на дочку курточку, не тут-то было. Куртка была с возмущением отброшена, туда же отправилась шапка. Только с ботинками произошла заминка, шнурки – не самая простая штука для трёх лет.

Георгий достал телефон, набрал номер знакомого, словно по заказу – детскому стоматологу. Запись у того оказалась забита под завязку, дежурный врач тоже был занят по горло,

но принять, естественно, согласился без всяких разговоров. Если одному из Сабуровых нужно, никаких проблем.

Анюта не спорила, подхватила сопротивляющуюся дочку, дождалась на крыльце, когда Георгий подгонит машину, уселась на заднее сиденье, с трудом пристегнув малышку. Детского кресла у Георгия, естественно, не нашлось, времени искать – тоже, успеть бы добраться до закрытия. Серёга обещал подождать сколько надо, а хныкающая всю дорогу Василиса явно требовала срочной помощи.

Детская стоматологическая клиника встретила просторным, разукрашенным холлом с телевизором, откуда лились песни бодрых мультипликационных персонажей. Приветливая администратор со светящимися рожками-бабочками вручила Василисе игрушку, дав на выбор несколько, показала на связку воздушных шаров под потолком, пообещав любой после посещения доктора. Не просто какого-то обычного доктора, а самого что ни на есть волшебного.

Волшебного доктора Георгий знал отлично – приятель Руса, счастливый отец троих детей, врач с большим опытом. Уговорить мог кого угодно на что угодно, не говоря уже о маленьких пациентах, даже таких перепуганных и скандальных, как Василиса.

– Не пойду, нет, сам иди! – закричала Василиса Георгию, подпрыгивая в негодовании на одном месте.

– Вместе пойдём, – вдруг заявил Георгий. – Мне тоже надо зубик полечить. Сначала мне вылечим, если будет не больно – тебе.

Василиса окинула заплаканными глазёнками говорящего, видимо, решила, что сделка стоит свеч, согласилась взять за руку и вплыла в кабинет. Окинула встречающего врача максимально подозрительным взглядом, таким, что не подходи, если бы на самого Георгия так посмотрела пациентка, он бы точно растерялся, а Серёга лишь широко улыбнулся, приглашая обоих в кресло.

– Показывайте ваш зубик, будем лечить, – важно заявил он, глядя на Георгия без тени улыбки, всё серьёзней, чем при фейслифтинге.

Пришлось покорно открыть рот, держа Василису на руках, та извернулась, чтобы убедиться, что зуб действительно «лечат», чем-то дуют, жужжат и прыскают, что это ни капельки не больно. Да и доктор вызывает доверие, можно его потрогать, рассмотреть инструменты, покататься на кресле в виде динозавра, а потом получить воздушный шарик. Георгий, например, получил. Целое приключение, между прочим! Весёлое! А шарик нужен блестящий и голубой-голубой, как василёк.

За приём и лечение Георгий заплатил сам, даже спрашивать притихшую Анюту не стал, она не нашла в себе силы спорить после пережитых злоключений. Лишь горячо благодарила, едва сдерживая слёзы, когда он вёз своих девочек домой. Когда они стали его? А бог его знает... Не просто так доктор волшебный, видимо.

Глава 6

Голова болела нещадно, в течение дня терпимо, но после вечернего приключения с зубиком Василисы, Аня думала – не выдержит, разревётся вместе с дочкой.

Хорошо, что Георгий Давидович помог, отвёз их с малышкой к знакомому стоматологу, который принял без очереди и записи, ещё и зашёл с Василисой в кабинет, иначе дело завершилось бы грандиозной детской истерикой.

Откуда у Василисы страх врачей, Аня не понимала, она сама врач. Дочка бывала на её работе, видела людей в белых халатах, брали её и на подстанцию скорой помощи, когда некуда было пристроить. Василиса спокойно общалась, не капризничала и не боялась.

Но стоило речи зайти о любом детском докторе, от участкового педиатра или врача в детском саду, до того же стоматолога, Василиса впадала в неистовство. Обычно к врачам с ней ходил Олег, он умел договариваться с дочкой, видимо, поэтому с Георгием Давидовичем согласилась зайти в кабинет.

Поднимались в лифте на свой двенадцатый этаж. Василиса довольно крутила в руках игрушку из стоматологии и дёргала за верёвочку воздушный шарик, позабыв, как поставила на уши не только маму, но и постороннего человека.

Аня же не могла выкинуть из головы злосудное, то, как ехали в полутёмном салоне автомобиля. Негромко играла попсовая, расслабляющая музыка, заглушая шелест шин по асфальту. За окном мелькал осенний город, сверкал ярко-жёлтыми и красными вспышками листьев и иллюминацией.

Егор смотрел на дорогу, иногда бросал взгляд на заднее сидение, где устроились Аня с дочкой, поглядывал в боковые зеркала. Руки расслабленно лежали на руле, рукав свитера немного задрался, оголяя запястье, показались часы и родированный браслет с фирменным логотипом. И почему-то этот модный аксессуар напомнил, что вообще-то они с Егором ровесники.

Она невольно засмотрелась на ухоженные руки, пальцы с аккуратными ногтями, на левой руке красовалось кольцо того же бренда, что и браслет. Интересно, обручальное, помолвочное, Кристина подарила? Почему на левой?..

Необходимо выбросить все эти мысли из головы, просто взять и выкинуть, как ненужный хлам. У Георгия Давидовича, да, именно по имени отчеству, своя жизнь с Кристиной, у Ани своя.

– Во двор? – спросил Георгий Давидович, обернувшись к притихшей Ане.

– Да, третий подъезд, – прокашлявшись, ответила та.

Остановились, Аня выбралась, помогла Василисе, набрала воздух, чтобы рассыпаться в благодарностях. Понимала, деньги Георгий Давидович не возьмёт, пытаться всучить – нарваться на конфликт. Ругаться совсем не хотелось, и не из-за его статуса, а просто не хотелось и всё.

– Не стоит, – на излёте поймал её речь Георгий Давидович. – Всё хорошо, Анют. Рад, что оказался полезен.

– Всё равно спасибо, Георгий Давидович! – с жаром выпалила Аня, едва удержавшись от поцелуя в щёку. Как глупо и нелепо она бы выглядела, представить страшно.

Георгий Давидович, наигранно обернулся. Внимательно посмотрел за свою спину, за Анину. Отошёл на пару шагов, заглянул под лавочку, за ещё зелёный куст сирени, будто искал что-то. Вернулся в исходную позицию, сказал:

– Егор, Анюта, просто Егор.

– Но?.. – Аня растерялась от тона и представления, которое увидела.

– Здесь нет никого, опустим формальности. Повтори: «Егор», – проговорил он имя едва ли не по буквам.

– Егор, – улыбнулась Аня.

– Умница.

Вдруг Егор сделал шаг вперёд, прижал Аню к себе совсем не дружеским жестом – женщина всегда такое чувствует, понимает, если не разумом, то позвоночным столбом, – сразу же отошёл на исходное расстояние. Улыбнулся и поспешил к машине, на прощание помахал Василисе рукой, та довольно закричала, подпрыгивая на месте:

– Пока, пока!

А Аня вдохнула полной грудью воздух, чтобы остыть от нахлынувших эмоций. Настолько неоднозначных, вернее уж очевидных, что хотелось окунуться себя в ледяную воду, с головой окунуть и подержать там часок-другой, чтобы опасные желания вытравить.

Пахло почему-то снегом... Почему снегом? На дворе осень, золотая, тёплая, разгар бабьего лета. Снегом пахнуть никак не могло, а запах просто впился в мозг, оседал на подсознание, впитывался в подкорку.

Теперь они с Василисой поднимались на лифте, Аня боролась с головной болью и запахом этим, будто поселившемся в ней навсегда.

Открыла дверь, в нос ударил совсем другой аромат, вернее вонь – алкоголя. Конечно, как она могла забыть, у Олега закончилась смена. Видимо переусердствовал с отдыхом, зная, что Аня взяла Василису с собой на работу.

Когда же это закончится, и закончится ли вообще?

Она, правда, всё понимала, возможно, даже больше Олега. Сочувствовала ему, бывшим коллегам, которые порой торчали в их квартире, пациентам, пострадавшим, она даже врачей приёмных покоев понимала, сопереживала им – тоже работа не сахар. Но и себя всё чаще и чаще становилось невозможно, до желания выть, жалко.

Почему дэпные дедки уходят из дома без порток и замерзают в сугробах, бабки забывают принять лекарства, малолетние идиотки демонстративно жрут таблетки, подростки решают, что зацепер – это круто, а она выслушивает, входит в положение, убирает бутылки... Сколько можно-то? Сколько?!

Накануне они сильно с Олегом поругались. Дошло до безобразных криков с её стороны и хлопанья дверями с его. Шваркнул так, что посыпалась штукатурка, сломался замок, пришлось вызывать мастера, едва на работу не опоздала.

Аня сначала пыталась спокойно разговаривать, потом начала с жаром доказывать свою правоту, после перешла на ультиматум: или Олег уходит с долбанной скорой, или она уходит у него.

Хватит! Не можешь работать и не пить, значит, не работай!

– И куда я пойду? – вспылел Олег. – Ты в нашей семье врач, а я так – челядь.

– Куда угодно, хоть к нам, я поговорю, спрошу, – выпалила Аня то, что уже сотню раз повторяла, кажется, мозоль на языке уже выросла.

– Совсем свихнулась? Прикажешь в сраные косметологи идти? Ботокс-шмотокс дебилкам колоть, геморройную задницу на лицо лепить?

– У нас работают косметологи-мужчины, между прочим, пользуются спросом, чем ты хуже? Дунаева помнишь, с нами учился? Мастером маникюра сейчас работает, и ничего, живёт, не кашляет!

– Чушь не мели! – Олег вышел из кухни, хлопнув дверью со всей силы.

Аня продышалась, прошла за ним в комнату, продолжила:

– Медбратом в стационар можно устроиться, там никому «ботокс-шмотокс» колоть не придётся, и геморройную задницу на лице лепить тоже. После операции необходимы муж-

ские руки, с той же каталки переложить, помочь. Нарасхват будешь! Зарплата больше и график нормальный!

– Делать мне нечего силиконовых баб таскать, я не для этого в медицину шёл!

– А для чего? Выгореть и спиться?! – завопила Аня, как воздушная сирена, сама себя испугалась.

Сейчас, открыв дверь в квартиру, она жалела о своих словах. Могла бы промолчать, сгладить, вообще ничего не говорить. Ведь знала отношение Олега к своей работе, понимала, как никто понимала его. Она тоже когда-то была идеалисткой, стремящейся помочь всему миру, до сих пор оставалась бы ей, если бы не родила Василису.

Теперь её идеализм заключается не в спасении чужих человеческих жизней, а в том, чтобы хранить и лелеять одну, вполне конкретную жизнь – своего ребёнка.

– Раздевайся, – сказала она дочке, усадив на низенькую банкетку, специально для малышки поставленную в узенькой прихожей.

Прошла на кухню, распахнула окно. Ещё и накурено... что-то новенькое, Олег не курил, ни обычные сигареты, ни электронные, ни кальян, если выбирались отдохнуть.

Слава богу, порядок, посуда помыта, даже та, что оставалась после их с Василисой завтрака. Аня не успела убраться. На плите стояла сковорода с макаронами по-флотски, на столе салат из огурцов и помидоров со сметаной – то, что Олег приготовил.

И недопитая бутылка вишнёвого пива – тоже что-то новенькое.

– Мама, а кто эта тётя?

Услышала она голос Василисы из комнаты, та успела снять обувь, и как была, в курточке, отправилась в комнату на поиски любимого папы.

Сердце не оборвалось, она разбилось на тысячи кусочков, в один миг, Аня даже понять не успела, когда и как это случилось.

Просто миг – и вместо сердца огромная дыра.

Зашла в комнату, не дыша. Чувствуя спазм в голове такой силы, что стены качались. Единственное, что останавливало от животного воя, понимание, что где-то рядом Василиса, и где бы эта «тётя» не была, чем бы ни занималась и как бы ни выглядела – происходящее придётся объяснять ребёнку...

На разобранном диване-книжке, на спине, раскинув ноги и руки в стороны, похрапывал Олег в домашней футболке и полуспушенных штанах, из-под резинки обычных треников виднелись трусы.

Рядом, свернувшись, спиной к Олегу, сопела Доротея – некогда коллега Ани, сейчас напарница Олега. Женщина около пятидесяти лет, крепкая, с широкой костью, прокуренным голосом, грубыми чертами лица и манерами, служившими насмешкой над собственным именем.

Сколько жизней спасла Доротея, работая на своём месте с молодого возраста, успевшая застать хвост времён СССР, никто сказать не мог, она сама тоже, а вот со своей не заладилось. Трое мужей, первый сгинул в смутные постперестроечные времена, второго не единожды ловила на горячем, у третьего на первом году совместной жизни обнаружилась наркозависимость, что и поставило крест на браке.

На Доротее была надета форменная футболка скорой помощи – не расстаеться она с ней что ли? – расстёгнутые джинсы, в разрезе ширинки виднелись простые трикотажные трусы, один капроновый носок, второго не было видно.

Аня верила и не верила своим глазам, происходящему, вернее произошедшему. Не мог же Олег... или мог? В последний год она не узнавала собственного мужа, из простого, добродушного, готового к диалогу человека он превратился в комок нервов. Вечно недовольный, помятый какой-то, капризный, ревнующий, не к мужчинам, она не давала повода, к новой жизни жены, её, на самом деле, скромным успехам.

Женщина в полуспущенных штанах в постели мужа. О чём тут думать, какие оправдания можно вообразить? Само получилось, нечаянно, в пьяном угаре?

Насколько же это гадко, унизительно, отвратительно до мурашек на спине, которые впились в тело, разнося яд невыносимой обиды. Хотелось исчезнуть из этого мира, чтобы не чувствовать волну разочарования, которая накатывала, готовясь поглотить с головой, убить все мечты, любые надежды, планы от самых простых, обыденных до грандиозных.

Аня, как любая женщина, не могла представить себя в роли обманутой жены. В собственном доме обманутой!

– Кто эта тётя? – повторила свой вопрос Василиса, пытливо рассматривая Доротею.

– Эта тётя работает с папой, она устала на работе и легла поспать. А знаешь, что? Поедем в путешествие! – с излишним, каким-то нервным, надрывным энтузиазмом предложила Аня.

Взяла за руку дочку, спешно вывела из комнаты, обула, выскочила из квартиры и только на лестничной площадке выдохнула. Почувствовала, что немеют руки, ноги, кружится голова, подкатывает тошнота, как при отравлении.

Интоксикация горькой правдой.

– Куда мы поедем? – осведомилась Василиса, дёрнув несчастный воздушный шар, всё ещё привязанный к запястью, чтобы не вырвался, не улетел, не взмыл в небо, как прямо сейчас хотелось Ане.

Вырваться, улететь, превратиться в крошечную точку и исчезнуть навсегда.

Аня не знала, что ответить дочке, не понимала куда идти, будто отупела в одночасье. В гостиницу? Отель? Снять квартиру прямо сейчас, мгновенно, стоя с трёхлетней малышкой посреди бетонной коробки с коричневыми дверями лифта по центру?..

Вернуться домой, к родителям, без предупреждения, объяснений, приехать и всё? Естественно, её примут, помогут по мере сил, но что, чёрт возьми, ей делать в полуразрушенном посёлке на полторы тысячи душ на краю земли? Василисе что там делать?

Мелькнула мысль позвонить Егору, он бы быстро сориентировался, обязательно помог, но чем тогда она лучше Олега? Тем, что не вырубилась на диване после... после того, что случилось.

Аню передёрнуло, голову тугим кольцом охватывала головная боль, в глазах темнело, желчь подкатывала к горлу, дыхание перехватывало. Она впадала в какое-то вязкое, хлюпающее, как болото, забытьё.

Лишь понимание, что рядом Василиса – трёхлетняя кроха, которая не сможет противостоять этому миру, если мама поддастся волне отчаяния и панике, держало в сознании.

Трясущимися руками она набрала номер подруги, одной из немногих, которые остались у неё в суете бесконечных будней, та согласилась принять их с Василисой, предложила жить столько, сколько потребуется.

Глава 7

Аня методично просматривала объявления о сдаче жилья, оставаться в одной квартире с Олегом она не могла, представить себе такое никак не получалось. Как же быстро всё изменилось, всего-то год назад она была счастливой замужней женщиной, сутки назад просто замужней, всё ещё верящей в возможное счастье, а сейчас чувствовала себя старой рухлядью.

Ненужной вещью, растерзанной, выброшенной на помойку.

Она не понимала, как жить дальше, справляться с бытом, одной растить дочку, как собрать себя по частям, на которые распалась, глядя на Доротею рядом с собственным мужем. В их доме, на их диване.

Утром отвела дочку в садик, из-за непривычно долгой дороги опоздали к завтраку, слава богу, воспитательница пошла навстречу, взяла Василису.

Потом зашла домой, в дверях встретилась со спешащим на работу Олегом.

– Ты где была? – накинулся он на неё с помятым с похмелья лицом, изображая Зевса Громовержца.

Олег звонил, начиная с позднего вечера. Она не брала телефон, не знала, что сказать, боялась позорно разреветься в трубку, ещё страшнее было испугать Василису, которая ничего не понимала, но, кажется, что-то чувствовала. Дети иногда, как зверьки, чутко реагируют на изменения эмоционального фона вокруг, от Ани же и без разговоров с Олегом несло чем-то нездоровым. Отчаяньем, болью, злостью.

– У подруги, – огрызнулась Аня в ответ, отводя взгляд, боялась, что разрыдается прямо сейчас, на глазах Олега.

– У подруги с членом?

– С двумя! – вспыхнула в ответ. – По себе судишь, да?

– Что ты мелешь?

– Я вчера видела вас, пришли вечером с Василисой, а ты... ты... ты... – Аня даже произнести вслух не могла то, что видела накануне.

Не знала толком, как сформулировать. Про себя называла просто безликим «это». Она видела «это». Это – это дрыхнувшая рядом с её мужем пятидесятилетняя дебелая тётка в полуспущенных трусах-парашютах – вот что «это». Вслух же слова подобрать не могла, не находилось такого в словарном запасе. Не думала, что когда-нибудь пригодится.

Измена? Нет, это не измена, это что-то более гадкое, мерзкое, отвратительное, похожее на гнилостный запах болота.

Адюльтер? Слишком литературное слово, сухое, совершенно не передающее глубину отчаяния, в которое погрузилась Аня.

Предательство? Она не Родина-мать, чтобы её предавали. Она жена, женщина, которая почему-то верила в «долго и счастливо» с одним человеком на всю жизнь.

Левак? Осталось прибавить прилагательное «хороший» и ждать, когда он укрепит брак. Жаль только, что в сознании Ани «это» брак не укрепляет, а убивает – мгновенно и наповал.

– Что я? – уставился Олег на Аню.

– Ты с Доротей! Вот что! – проорала она в ответ, обогнула мужа, направилась к шкафу, прикидывая на ходу, какие вещи забрать прямо сейчас. Лучше думать о трусах с колготками для себя и дочки, чем воскрешать в памяти случившееся, и занять руки, чтобы не накинуться на Олега с кулаками. Словно она и правда могла...

– Прости, нехорошо получилось, – пробормотал Олег. – Но Василиса же была с тобой, в садик не нужно было...

– Спасибо, что не при Василисе! – сорвалась Аня. – Ты вообще соображаешь, что говоришь?

– Ну, извини, больше не повторится, честно, обещаю. Чот и правда, в этот раз сильно перебрал.

А вот и синонимы к чёртову «это» найдены – «нехорошо получилось» и «сильно перебрал». Прямо новое веяние в филологии, честное слово!

– Да иди ты! – не выдержала Аня, завизжала в колючем, невыносимо жгучем отчаянии, выскочила из квартиры, чудом сумев вывернуться из рук Олега, который попытался её задержать.

Рванула на лестницу, лифта дожидаться не стала, побоялась продолжения разговора. Для неконфликтной Ани любые, самые мелкие разборки и ссоры – неминуемый стресс, что говорить о сложившейся ситуации, которую приравнять только к Армагеддону можно.

Не умела Аня ругаться, и злиться толком не умела. Виной тому родительская семья, где мама с папой за всю жизнь голос друг на друга не повысили. Может быть, они ругались, тридцать с лишним лет прожить – не поле перейти, но она такого не помнила.

Промчалась пять этажей вниз на одном дыхании. Села в бессилии на ступеньки, обхватила голову руками, пытаясь выровнять дыхание. Почувствовала тянущую боль внизу живота, вдохнула, выдохнула, зажмурилась. Попыталась успокоиться хоть немного, привести в порядок мысли, усмирить колотящееся, как в лихорадке сердце.

Ревы – не ревы, по щекам сами собой катились обжигающие слёзы, а жить дальше надо. Идти на работу, вести приём, вечером забрать Василису, в течение дня найти квартиру, договориться о переезде...

А уже потом, если останутся силы, можно поплакать, нареветься от всей души. Хотя нет, при дочери тоже не поплачешь, значит, когда-нибудь.

До обеда работала в стационаре, смена короткая, нагрузки почти никакой. Пациентки все молодые, без патологий, аллергий, без всего, что потенциально может подкинуть сюрприз врачам при самом незначительном вмешательстве.

До приёма в поликлиническом филиале оставался час, идти недалеко, но на обед времени мало. На рабочем столе обнаружилась упаковка из службы доставки. Почему-то жест, казавшийся раньше милым, сейчас таким не показался.

Чем она лучше Доротеи в глазах тех, кто догадывается об имени отправителя? А в глазах Кристины? Тем, что не завалилась в постель Егора? Посмотри правде в глаза, Аня, пока не завалилась, просто возможности не было.

Нужно сделать всё, просто необходимо, чтобы этого не случилось. Причинить боль подруге, пусть в прошлом, сейчас они давно не общаются, Аня не могла. Не в этой жизни, ни за что...

Открыла сайт объявлений, начала перебирать варианты квартир, время от времени звоня по указанным телефонам. Пакет с эмблемой доставки решительно отодвинула. Поиграла во флирт, достаточно! Едва не заигралась!

– Почему не ешь, Анют? – раздался бодрый голос Егора, вернее Георгия Давидовича.

Да, да, заруби себе на носу, Георгия Давидовича!

– Спасибо, Георгий Давидович, – твёрдо сказала Аня. – Больше не нужно присылать мне еду.

– Как скажешь, – спокойно ответил Георгий Давидович, взял стул, развернул спинкой к Ане, оседлал, устроился лицом к лицу к ней, внимательно посмотрел, как рентгеном просветил. – Что случилось у тебя, Анют?

– Ничего.

– Ты не ночевала дома, – напомнил он.

– Я у подруги ночевала, – почти искренне возмутилась Аня.

Неловко, что Георгий Давидович стал свидетелем того, что она не ночевала дома. Она забыла, что его мама живёт в одном подъезде с Миланой. Вернее, парадной, в Питере же парадные, правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.